

10. Kimeeva T.I., Polevod V.A. Metodika aktualizatsii istoriko-kul'turnogo i prirodnogo naslediya v deyatel'nosti vuzovskogo muzeya [Methods of updating the historical, cultural and natural heritage in the activities of the university museum]. *Chelovek i kul'tura [Man and culture]*. Moscow, 2017, no. 1, pp. 72-79. DOI: 10.7256/2409-8744.2017.1.21095. (In Russ.). Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=21095.
11. Konventsia ob okhrane nematerial'nogo kul'turnogo naslediya 2003 goda: prinyata 17 oktyabrya 2003 goda General'noy konferentsiyey Organizatsii Ob"edinennykh Natsiy po voprosam obrazovaniya, nauki i kul'tury [2003 Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage: adopted on October 17, 2003 by the General Conference of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization]. *Organizatsiya ob"edinennykh natsiy: ofitsial'nyy sayt [United Nations: official website]*. (In Russ.). Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv (accessed 19.04.2019).
12. Markaryan E.S. *Teoriya kul'tury i sovremennaya nauka [The theory of culture and modern science]*. Moscow, Thought Publ., 1983. 284 p. (In Russ.).
13. Mastenitsa E.N. Kul'turnoe nasledie v sovremennom mire: kontseptualizatsiya ponyatiya i problematiki [Cultural heritage in the modern world: the conceptualization of concepts and issues]. *Trudy SPbGIK [SPbGIK proceedings]*, 2008, vol. 180, pp. 252-262. (In Russ.).
14. *Muzeynoe delo Rossii [Museums of Russia]*. Moscow, VK Publ., 2010. 676 p. (In Russ.).
15. Opolovnikov A.V. *Muzei derevyannogo zodchestva [Wooden architecture museums]*. Moscow, Publishing house of construction literature Publ., 1968. 117 p. (In Russ.).
16. Sapanzha O.S. *Kul'turologicheskaya teoriya muzeynosti: avtoref. dis. doktora kul'turologii [Cultural urological theory of the museum. Author's abstract of diss. Dr. of culturalology studies]*. St. Petersburg, 2011. 58 p. (In Russ.).
17. Shelegina O.N. *Muzeynyy mir Sibiri: istoriya i sovremennye tendentsii razvitiya [Museum world of Siberia: history and current development trends]*. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2014. 396 p. (In Russ.).

УДК 069.5:39

МЕТОДИКА АТРИБУЦИИ МУЗЕЙНЫХ ПРЕДМЕТОВ И ВОЗМОЖНОСТИ ВНУТРИМУЗЕЙНОЙ ТРАНСЛЯЦИИ ЕЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Кимеева Татьяна Ивановна, кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры музейного дела, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: tat-kimeeva@mail.ru

В статье рассматриваются актуальные для современного музееведения проблемы, связанные с атрибуцией музейных предметов. Определяется наличие потребности в смещении акцента с прикладных форм фондовой деятельности на их теоретическое обоснование. Прием атрибуции рассматривается как часть методики, применяемой при установлении подлинности предметов музейного значения, наряду с методами их систематизации и интерпретации. На примере этнографических музейных предметов уточняются приемы выявления их атрибутивных характеристик с учетом как общих критериев (информативности, аттрактивности, экспрессивности, репрезентативности и ассоциативности), так и частных (название, материал, техники изготовления, функциональное назначение и пр.). Раскрывается сущность обозначенных критериев на конкретных примерах шорских этнографических коллекций из музеев России. Обосновывается с позиций семиотического подхода применение методов атрибуции в целях выявления информационных полей музейных объектов. Предлагается концепция интерпретации в рамках герменевтического подхода на основе музейных и научных источников. Ведущим принципом определяется: соответствие критериям подлинности, научности. В качестве внутримузеевских форм трансляции результатов интерпретации музейных предметов определены: публикация полученной информации, ее включение в текст экспозиции и использование в различных формах музейной деятельности.

Ключевые слова: музейные предметы, методика исследования коллекций, атрибуция, интерпретация, актуализация.

METHOD OF ATTRIBUTION OF MUSEUM OBJECTS AND POSSIBILITIES OF INTRA-MUSEUM TRANSMISSION OF ITS RESULTS

Kimeeva Tatyana Ivanovna, PhD in Culturology, Associate Professor, Associate Professor of Department of Museum Sciences, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: tat-kimeeva@mail.ru.

The article deals with the actual for modern museology problems associated with the attribution of museum objects. It is determined whether there is a need to shift the focus from the applied forms of stock activity to their theoretical justification. Acceptance of attribution is considered as part of the methodology used in establishing the authenticity of items of museum value, along with methods of systematization and interpretation. Using the example of ethnographic museum objects, the methods of identifying their attribute characteristics are specified, taking into account general criteria: informativeness, attractiveness, expressiveness, representativeness and associativity, and private: name, material, manufacturing techniques, functional purpose, etc. The essence of the criteria is revealed with specific examples of Shor ethnographic collections from museums of Russia. The use of attribution methods in order to identify information fields of museum objects is justified from the standpoint of the semiotic approach. The concept of interpretation in the framework of the hermeneutic campaign based on museum and scientific sources is proposed. Leading principles determine compliance with the criteria of authenticity, scientific. As intramuseum forms of translation of the results of the interpretation of museum objects, the following information was defined: publication of the information received its inclusion in the text of the exposition and use in various forms of museum activities.

Keywords: museum objects, collection research methods, attribution, interpretation, actualization.

Предметы коллекций музеев, составляющие категорию культурного наследия, проходят стадию «превращения» в музейный предмет: «вещь» – «артефакт» – «предмет музейного значения» – «музейный предмет». Любая вещь в естественной социокультурной среде представлена физической реальностью предметного мира культуры. Как отмечает философ Н. Н. Суворов, «вещь является знаком и раскрывается, говорит своим словом» [11, с. 63]. Для этого она переживает период своей невостребованности в среде бытования, превращаясь в определенный момент в артефакт, который однажды привлекает внимание музейных собирателей. Артефакт, как правило, обладает свойствами предмета музейного значения, вызывая интерес своей принадлежностью к культуре определенного народа либо историческому периоду и т. д. Вещь, таким образом, подлежит извлечению из среды бытования для передачи в музейное собрание, где она получает статус музейного предмета.

Что касается понятия «музейный предмет», оно утвердилось в российском музееведении в середине 1950-х годов, а в 1960–70-е годы, определяемое через понятие «памятник», стало одним из

ключевых терминов. В работах первого десятилетия XXI века в связи с включением в сферу музейной деятельности недвижимых и нематериальных объектов культурного наследия, наряду с понятием «музейный предмет», закрепляется термин «музейный объект», что отражено в формулировке, раскрывающей данную дефиницию: «Музейный предмет – движимый объект культурного... наследия, первоисточник знаний и эмоций, изъятый из среды бытования или музеефицированный вместе с фрагментом среды и включенный в собрание музейное» [10].

Контекст музея оказывается максимально благоприятным для раскрытия информационного потенциала предмета музейного значения при условии квалифицированного подхода сотрудников музея к его атрибуции. По мнению Т. П. Калугиной, «при включении предмета в новую для него музейную среду активизируются заложенные в нем культурные качества, и, благодаря этому, становится возможным его органическое вхождение в новый предметный контекст. ... Сам процесс активизации этих культурных качеств, атрибутивных свойств и признаков предмета имеет отчетливую аксиологическую окраску»

[3, с. 18]. Однако историко-культурная ценность предмета должна быть определена посредством раскрытия его подлинности, что становится возможным посредством музейной атрибуции.

Подход к музейной атрибуции до настоящего времени ограничивается преимущественно прикладными формами фондовой музейной деятельности с незначительным акцентом на исследовательские изыскания при описании музейных предметов в учетно-фондовой документации. Под атрибуцией принято понимать выявление всех присущих предмету признаков, выражающих разные стороны его содержания: названия предмета (общеупотребительное, а также на языке народа – носителя культуры для этнографических объектов); материала (одного или нескольких, которые использованы при производстве объекта); конструктивных элементов; техник производства и декорирования; времени изготовления, бытования, приобретения; функционального предназначения. По своей сути атрибуция представляет собой характеристику музейного объекта посредством раскрытия всех свойств, которыми он наделен. С позиций семиотического подхода можно говорить о выявлении в ходе атрибуции информационных полей музейного объекта. Эта теоретическая позиция находится в поле зрения музееведов, однако разрабатывается по большей части при подготовке музейных предметов к экспонированию. Это представляется вполне логичным, так как в рамках семиотического подхода, при котором музейный объект рассматривается как знак, обладающий внутренним и внешним информационными полями, подразумевается, что его внутреннее поле содержит вышеобозначенные характеристики от названия до смыслового значения, а внешнее – отражает связь с другими предметами коллекции, наряду с которыми он может быть размещен в экспозиции. Однако атрибутивные характеристики должны быть выявлены гораздо ранее, до использования музейного предмета в экспозиционной или культурно-образовательной деятельности музея.

В настоящее время, как показывает анализ научных публикаций, атрибуция музейных предметов рассматривается со следующих позиций:

– атрибуция, ориентированная на установление подлинности и ценности музейных предметов [2];

– атрибуция, осуществляемая с целью каталогизации музейных коллекций [5];

– атрибуция, ориентированная на предпроставрационное исследование музейных предметов [4].

Музееведы констатируют, что изучение музейных предметов состоит из трех этапов: атрибуции; классификации и систематизации; интерпретации. Следует, однако, признать данное утверждение не совсем точным, так как интерпретация является методом атрибуции, без нее не представляются возможными также процессы классификации и систематизации.

Без атрибуции, которая на начальном этапе может быть названа предварительной, невозможно определение подлинности включаемых в основной фонд музея предметов. При этом только установление подлинности обуславливает правомочность приема в фонды того или иного предмета музейного значения и отражение его в протоколе фондово-закупочной комиссии.

Атрибуция осуществляется с опорой на общие критерии отбора предметов музейного значения, которыми руководствовались их собиратели: аттрактивность, экспрессивность, информативность, репрезентативность и ассоциативность. Четыре первых критерия были обоснованы еще в 1980-е годы и отражены в учебном пособии под редакцией К. Г. Левыкина и В. Хербста «Музееведение. Музеи исторического профиля», которым руководствовались работники музеев. Под информативностью принято понимать способность музейного предмета являться источником информации. Свойство экспрессивности означает способность музейного предмета вызывать эмоции. Аттрактивность рассматривается как способность музейного предмета привлекать внимание. Репрезентативность – его возможность наиболее полно отображать исторические или социокультурные явления, представляя целый ряд сходных с ним предметов. Современными музееведами делаются попытки выделить и другие свойства, например, ассоциативность – способность вызывать ассоциации. Это свойство может быть использовано музейными работниками при экспонировании музейного предмета. Критерий коммуникативности обосновывается как потенциальная способность музейного предмета дополнять, разъяснять, взаимодействовать с другими предме-

тами, воздействовать на мысли и чувства человека [7, с. 125–126].

Приемы и методы атрибуции целесообразно рассмотреть на конкретных примерах, например, на материалах этнографических коллекций шорцев, составляющих их художественное наследие, которые были исследованы автором данной статьи в 23 музеях России, что позволит комплексно подойти к анализу методики атрибуции музейных предметов. Наиболее редкие и уникальные в настоящее время предметы, не воспроизводимые в современных условиях, были собраны с конца XIX до середины XX века. Поэтому логично утверждать, что опора на вышеобозначенные критерии осуществлялась собирателями интуитивно, так как собственно критерии еще не были сформулированы. Критерий *информативности* в случае отбора в среде бытования этнографических предметов в данный период предусматривал:

- традиционность предметов музейного значения в конкретном этническом пространстве, например элементов, обеспечивающих традиционные мужские промыслы шорцев (наконечник певчей стрелы «окса сыгырткаш» на белку, охотничьих ножей с резными рукоятками из рога марала «пычак сапы» и др.);

- устойчивость элементов декорирования: зооморфно-геометрический декор, выполненный в технике гравировки по рогу марала на элементах охотничьего промысла;

- появление у шорцев в определенный исторический период инноваций, в дальнейшем закрепившихся как традиции, например, элементов огнестрельного оружия из рога марала (украшенных резьбой: наверший сошек «мылтык тайак», спусковых крючков «сöök кыйлаг», мерок для пороха и дробы «ики аастыг мерке», пистонниц «пистон каропкези», пороховниц «тар урган мўёс» и др.).

Свойство *экспрессивности* проявлялось в обнаружении в шорских улусах собирателями, иногда далеко не специалистами в области этнографии (чиновниками, краеведами-историками), совершенно уникальных предметов: шаманских бубнов «тўёр» с колотушками «орба»; скульптурных изображений идолов «тайгам», «шалыг», «курмуш»; вырезанных в своеобразной технике из ответвлений рога марала курительных тру-

бок «канза» и др. Вызвавшие эмоции предметы, соответственно, привлекали внимание, то есть проявлялся критерий *аттрактивности*.

На критерий *репрезентативности* при сборе предметов опирались в основном специалисты в области традиционной культуры – этнографы-исследователи первой половины XX века (А. В. Анохин, Н. П. Дырленкова, Л. П. Потапов и др.), целенаправленно изучающие традиционные верования шорцев в системе культов народов Саяно-Алтая и отбирающие предметы музейного значения, обладающие возможностью наиболее полно отображать интересующие их явления через ряд сходных предметов.

Ориентированный на указанный критерий научный подход к атрибуции включаемых в музейное собрание предметов должен быть осуществлен также с опорой на конкретные приемы и методы. Целесообразным является как использование традиционных аналитических приемов атрибуции (подбор и анализ стилистических аналогий), так и привлечение архивных музейных материалов, научных публикаций. Исследование в рамках историко-сравнительного метода дает возможность на основе всех выявленных данных при изучении предмета определить, с одной стороны, общее и закономерное, а с другой – качественные отличия, характерные только для культуры конкретного народа.

Прием стилистических аналогий правомерно применять для атрибуции музейных предметов без сопроводительной легенды при его фиксации в естественной среде бытования и без характеристик в учетно-фондовой документации, что имеет место в музеях, где ее составление началось в 1980-е годы, а предметы поступили в музей ранее. Так, на сшитый из кендырного полотна халат из коллекции Кемеровского областного краеведческого музея имеется «Научный паспорт», в котором отражена минимальная информация о данном предмете: «Халат мужской, расшитый цветными нитками. Горная Шория, Ушкой Бук. Холст, бархат. Передано экспедицией в отдел “История”. Дата поступления 1928 год». Применение при атрибуции приема стилистических аналогий при сравнении данного халата с подобными предметами шорских коллекций других музеев России позволило составить его научное описание как объекта культурного наследия с

выявлением целого ряда характеристик (названия на языке народа-носителя, технологии изготовления и пр.), подтверждающих принадлежность традиционной культуре горно-таежных шорцев: «Халат “кендырь шабыр”. Сшит вручную из кендырной ткани. Покрой туникообразный, стан из двух перегнутых по линии плеч полотнищ, сшитых посередине спинки. Между полками и спинкой, от проймы рукава до подола, вшито с каждой стороны по два клина. Запах левосторонний. Рукав широкий, зауженный к обшлагам. Воротник сзади стойка, спереди переходит в шалевый, пришитый к краям полок. Подол, обшлага рукавов, воротник обшиты черным бархатом, по которому цветными нитками в технике шва “орбе” вышиты треугольники, повторяющиеся полукружью, ромбы, зигзагообразные линии» (КОКМ 127).

Применение историко-сравнительного метода при анализе декоративных элементов костюма позволило выявить свойственные только узкой группе верхабаканских шорцев нашивные детали, украшенные растительным декором в виде вьющихся побегов, пальметт. Например, на бархатном клапане кармана халата, привезенного А. К. Ивановым из Улуса Кечин верховой Мрассу, вышит растительный побег с завитками и полупальметтами, по стилю изображения характерный для скотоводов Южной Сибири (МАЭС ТГУ 6025/7). То же самое наблюдается и в декорировании сшитых из овчины мехом внутрь и покрытых сверху черным плисом рукавиц. В области запястья на край рукавиц нашита декоративная полоска из сиреневой узорчатой саржи. На лицевой стороне вышит растительный орнамент из вьющихся стеблей, пальметт, полупальметт и розеток. Техника вышивки аналогична хакасской, контуры растительного узора вышиты тамбурным швом, а внутренняя поверхность изображений – в технике глади (МАЭСТУ 5979 10) [14, с. 74].

В процессе сравнительного анализа, примененного при атрибуции музейных предметов, выявленных собирателями в этноконтактной зоне шорцев и бачатских телеутов в улусах по берегам реки Кондомы, удалось обнаружить применение похожих технологий в декорировании воротников женских рубах-платьев «кунек» и использование для этого сходных материалов. Узкая прямоугольная основа воротников изготовлена из сукна красного, синего, зеленого цветов. По пери-

метру воротники обшиты тесьмой. Стоит отметить, что в использовании тесьмы наблюдается строгое соблюдение традиции. Для бачатских телеутов непременным элементом декорирования воротника и нагрудника замужней женщины служил нашиваемый вдоль края зигзагообразно перевитый металлизированной позолоченной нитью черный кант. Подобная техника шорцам не была свойственна, и края воротников шорцев просто обшиты полоской тесьмы, преимущественно покупной.

Основным принципом при атрибуции является ориентирование на установление подлинности предметов. Исследование осуществляется в направлении «анализ – синтез»: характеризуются отдельные свойства смыслового поля объекта: материальность, технологии производства и декорирования, а затем полученные результаты синтезируются в единое целое.

В качестве ведущих направлений при исследовании декорированных музейных предметов определены:

– установление соответствия типовой принадлежности музейного предмета традиционной культуре народа в отношении используемых материалов (предмет из дерева, бересты, рога и кости соответствует культуре шорцев) либо с позиций включения декорированных элементов из различных материалов в систему украшений предметного комплекса (костюма, охотничьего снаряжения и пр.);

– определение конструктивных элементов музейного предмета и расположения на них декора;

– выявление технологий декорирования предметов из разных материалов (резьба, тиснение, плетение, вышивка, штамп, скань, инкрустация, аппликация, окантовка, нашивка декоративной фурнитуры и др.);

– обоснование типа декора в соответствии с принятой в этнографическом музееведении классификацией;

– определение мотивов декоративных элементов.

Как показывает анализ атрибутивных характеристик при изучении декорированных музейных предметов, наиболее перспективным в данном случае может быть применение семиотического подхода. Он позволяет рассматривать музейные

предметы в качестве знаков, которые служат источниками сосредоточенной в них информации о традиционной культуре шорцев. Музейный предмет в данном случае с позиций семиотики может быть рассмотрен как искусственно созданный и декорированный предмет, изъятый из среды своего бытования и наделенный способностью передавать определенные значения: технологии декорирования, смысловые значения декора. Изучение музейных предметов как объектов культуры, ее знаков и текстов, выявленных автором в музейных собраниях и систематизированных по ряду признаков, может опираться на теоретические положения Л. А. Уайта, который отмечал, что в культуре «имеется целый класс явлений, чрезвычайно важный в изучении человека, для которого в науке не существует названия, – класс символизированных предметов и явлений. ...эти предметы и явления всегда изучались и обозначались не сами по себе, в зависимости от присущих им свойств, а лишь в определенных контекстах. ...Когда же символизированные предметы и явления рассматриваются и объясняются во взаимосвязи друг с другом, а не с организмом человека, мы называем их культурой» [12].

С учетом информационной функции музейного предмета как знака его исследовали в структуре музейной экспозиции В. П. Арзамасцев, Н. А. Никишин и др., базируясь на изучении его коммуникативной функции [1; 8]. О. С. Мишуровская рассматривала музейный предмет с позиций его аксиологической функции, которой он обладает независимо от музейной экспозиции. Основываясь на трудах Ч. С. Пирса, Ф. де Сосюра и др. теоретиков семиотики, она выделяет в структуре знака четыре компонента. Первый из них – это материальная основа. «В отношении семиотики музея – это предметное воплощение данного знака, позволяющее рассматривать его как часть материальной культуры и средство закрепления информации. Второй обязательный компонент каждого знака – это его значение, или денотат, то есть то содержательное наполнение, которое данному знаку приписывается. При семиотическом рассмотрении музейного предмета денотативный план проявляется в представлении о нем как о чем-то уникальном, ценном, заслуживающем внимания... Третьим компонентом в знаковой структуре выступает десигнат знака.

Это информация, на которую указывает знак. Сюда входит совокупность всех сведений, заключенных в музейном предмете (в культуре какого народа создан, время и место создания, внешние характеристики и т. д.)» [6, с. 205]. В качестве четвертого компонента выделяется интерпретанта знака, согласно авторскому термину Ч. С. Пирса, как его индивидуальное понимание субъектом [9].

Знаковость музейного предмета определяется сочетанием этих четырех компонентов. Материальность проявляется в «овеществленности» объектов художественного наследия, их воплощении в определенной материальной форме, отвечающей критериям традиционности. Материальные объекты художественного наследия (декорированное пряслице из рога, берестяная табакерка с тисненным орнаментом, серги с низками из бусин и др.) при их обнаружении собирателями в среде бытования были выделены как предметы музейного значения и наделены условным значением.

В условности предмета-знака находит воплощение денотат. Денотативное значение подразумевает, что предмет воспринят собирателем не в собственном назначении, например, как элемент орудий женского ремесла, курительной утвари или деталь костюмного комплекса, а как отображение народного декоративного искусства. В составе музейных собраний предмет условен в силу наделения его статусом «музейного предмета» как обладающего ценностью, уникальностью.

Информационное наполнение музейного предмета – десигнат знака. Предметы народного декоративного искусства отличает высокая степень информативности, передаваемая посредством изучения материального воплощения знака познающему данный предмет. Интерпретанта знака находит воплощение в возможности музейного предмета использоваться в качестве объекта музейной коммуникации: в экспозиции, различных формах культурно-образовательной деятельности.

Обоснование уникальности и значимости музейного предмета, то есть его обозначение как денотата семиотической системы (музейной коллекции) происходит на уровне его отбора в среде бытования на основании охарактеризованных выше общих критериев – аттрактивности, информативности, экспрессивности, репрезентативности. В роли десигната предмет выступает в музее

уже на этапе его включения в музейное собрание, когда семиотический подход выводит процесс атрибуции на уровень понимания информации, извлеченной из его семантического поля. При исследовании музейного предмета как знака интерпретируется информация, содержащаяся в названии (на русском языке и языке народа-носителя), материале, форме, техниках изготовления и декорирования, семантике декора. Синтезирование полученной информации в единое целое позволяет установить ценность и подлинность музейного предмета.

Рассмотрим на примере кисета шорского охотника методику атрибуции музейного предмета-знака как объекта художественного наследия. Атрибуция, как уже отмечалось, предполагает выявление таких характеристик этнографического музейного предмета, как: название на языке народа-носителя, материал, техники изготовления, тип декора и техники декорирования, время изготовления и бытования, время и место приобретения. Название зафиксировано собирателем у информаторов в среде бытования предмета: кисет – «нанчык/калта». Материалом для кисета послужили: ткань фабричного производства коричневого цвета и хлопчатобумажные бежевые, также покупные, нитки. Сшит кисет вручную, выворотным швом, изнутри пришита ситцевая подкладка. В процессе атрибуции музейного предмета в МАЭС ТГУ был выявлен тип декора, а также обнаружено, что техники декорирования выполнены поверхностно: кисет «украшен цветочной розеткой, звездообразными и сосудобразными фигурами, деревом, ромбами, выполненными тамбурным швом». Исследование музейного предмета как объекта художественного наследия предполагает определение мотивов декорирования на основе систематизации типов и мотивов декора у данного народа. Декор определен автором данного исследования как абстрактно-космогонический. Именно к данному типу может быть отнесена группа фигурок на лицевой стороне кисета. Звездчатые розетки интерпретируются как мотивы космогонического декора, свойственного шорцам и встречающегося на целом ряде предметов. На основе анализа стилистических аналогий выявлены техники вышивки кисета: стежковый шов, тамбурный шов «созирткен», зигзагообразно-крестовидный шов «орбе». Вре-

мя и место приобретения также были зафиксированы собирателем А. К. Ивановым: 1926 год, не сохранившийся к настоящему времени улус Таяс Горно-Шорского района. Функциональное предназначение предмета – служить емкостью для табака. Следует отметить, что при определении типа и мотивов декора, а также времени изготовления и бытования вступает в действие прием интерпретации.

Методика интерпретации музейного предмета определена с учетом намеченной методики интерпретации текста одного из основателей герменевтики Ф. Шлейермахера [13, с. 29]. Для исследования музейного предмета значимым является тот факт, что понимание целого складывается из понимания частей. Методика интерпретации объекта художественного наследия включает ряд последовательных методов и приемов:

- визуальное исследование музейного предмета, в результате которого устанавливается причастность предмета к народному декоративному искусству;

- музейную атрибуцию, позволяющую раскрыть всесторонние характеристики музейного предмета посредством изучения его свойств: названия на языке народа-носителя, материала, техник изготовления, типа декора и техник декорирования, времени изготовления и бытования, времени и места приобретения;

- интерпретацию, используемую для каждого из выявленных значений с учетом того, что, если возникает концептуальная неувязка относительно принадлежности объекта художественного наследия к культуре определенного народа, неизбежен возврат к началу исследования предмета, пока не будет обнаружена причина рассогласования в интерпретации.

Обоснованность данной методики может быть рассмотрена на примере одного из предметов шорской коллекции Омского объединенного историко-литературного музея (ныне – Омский историко-краеведческий музей) – женского налобного украшения из прямоугольного куска плинса, на льняном подкладе, с завязками из шнура белого цвета (ОГОИЛМ 3159). Лицевая поверхность украшена нашитыми рядами штампованных медных пластин квадратной, круглой, прямоугольной и многоугольной формы. Нижняя сторона, опускающаяся на лоб, с множеством

мелких ромбовидных подвесок, подвижно укрепленных на коротких цепочках. Между подвесками висит нитка красного бисера. По бокам налобника крепятся два височных украшения в форме антропоморфной фигуры с выпуклым чеканным украшением и вставкой из сердолика на их поверхности. Нижнюю часть фигурок (подол юбки и концы рук) венчают свисающие вниз ряды цепочек, по пять на каждой фигурке. Цепочки состоят из круглых плоских пластинок с ушками, соединенных между собой железными проволочными колечками. Концы цепочек соединены друг с другом ниткой красного и белого бисера. Каждая цепочка заканчивается шаровидным бубенчиком. Интерпретация предмета с учетом функциональных характеристик и материала обнаруживает цепочку несогласований:

– «шорские головные уборы» ↔ «налобник» (в традиционный комплекс шорского женского костюма не входит налобник);

– «материал» ↔ «техники» (шорцами не применялась техника декорирования меди способом чеканки, как и нашивание рядов штампованных медных пластин).

Если бы метод интерпретации был применен сотрудником музея на начальных этапах учетно-фондовой работы и было проведено исследование предмета на основе научных источников, то женское украшение было бы определено в коллекцию народов Средней Азии. Во-первых, потому, что подобное налобное украшение под названием «сунсуле» с височными подвесками «адамлык» носили женщины некоторых туркменских племен в середине XIX века. Во-вторых, данный экземпляр единственный в шорских этногра-

фических коллекциях музеев России, место его изготовления и приобретения неизвестно.

На результатах интерпретации базируется актуализация объектов художественного наследия, проявляемая в таких формах, как: публикация результатов извлеченной из предметов информации, включение этой информации в текст экспозиции, ее использование в различных формах культурно-образовательной деятельности музея.

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что интерпретация заключенных в музейном объекте значений осуществляется уже на первом этапе атрибуции и систематизации, при этом основным приемом перевода предмета музейного значения в статус музейного предмета является исследование его свойств с целью установления подлинности, определения его места в этнографической коллекции. Возможность атрибуции музейных предметов обеспечивают прием стилистических аналогий и метод историко-сравнительного анализа. Результатом атрибуции является выявление и фиксация таких свойств музейного предмета, как его название на языке народа – носителя культуры, материалов, из которых предмет изготовлен; конструктивных особенностей предмета; техник изготовления и декорирования; даты изготовления и бытования; времени приобретения; функционального назначения. Результаты интерпретации исследуемых объектов ориентированы на их включение в современное социокультурное пространство в формах публикации извлеченной при исследовании музейных объектов информации, введение этой информации в различные виды музейной деятельности – от фондовой до культурно-образовательной.

Литература

1. Арзамасцев В. П. О семантической структуре музейной экспозиции // На пути к музею XXI века: Музееведение: сб. науч. тр. – М.: Изд-во НИИ культуры, 1989. – С. 35–50.
2. Веселов Ф. Н. Роль доэкспертного документального исследования памятника в музейной атрибуции ювелирных произведений конца XIX – начала XX века // Вопр. музеологии. – 2013. – № 1 (7). – С. 132–139.
3. Калугина Т. П. Художественный музей как феномен культуры. – СПб.: Петрополис, 2001. – 224 с.
4. Кондратенко М. Е. К проблеме атрибуции музейного предмета в ходе реставрационных работ (на примере атрибуции комода из собрания мебели ГМЗ «Петергоф») // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Междунар. отношения. – 2012. – № 3. – С. 15–20.
5. Кузьмина Е. С. Краткое описание музейного предмета: информ.-лингв. обеспечение [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.museum.ru/future/part03/030202.htm> (дата обращения: 05.04.2019).
6. Мишуrowsкая О. С. Семиотический анализ знаковой специфики музейного предмета // Вестн. Ленинград. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. – 2011. – № 3, т. 2. – С. 205–211.
7. Музейное дело России. – М.: ВК, 2010. – С. 125–126.

8. Никишин Н. А. Музейные средства, знаки и символы // Музейная экспозиция. Теория и практика. Искусство экспозиции. Новые сценарии и концепции. На пути к музею XXI века: сб. научн. тр. – М.: Изд-во НИИ культуры, 1997. – С. 43–44.
9. Пирс Ч. С. Учение о знаках // Избранные философские произведения. – М.: Логос, 2000. – С. 176–233.
10. Словарь актуальных музейных терминов // Музей. – 2009. – № 5. – С. 53.
11. Суворов Н. Н. Аура вещи в утверждении культурного пространства // Вестн. С.-Петербур. гос. ин-та культуры. – 2018. – № 3 (36). – С. 62–67.
12. Уайт Л. А. Понятие культуры [Электронный ресурс]. – URL: https://lib.uni-dubna.ru/search/files/phil_ant_cult1/~phil_ant_cult1.htm#11 (дата обращения: 12.04.2019).
13. Шлейермахер Ф. Герменевтика. – СПб.: Европейский Дом, 2004. – 242 с.
14. Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Одежда и украшения / сост. Т. И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – Ч. 4. – С. 74.

References

1. Arzamastsev V.P. O semioticheskoy strukture muzeynoy ekspozitsii [On the semiotic structure of the museum exposition]. *Na puti k muzeju XXI veka: Muzevedenie: sb. nauch. tr. [On the way to the museum of the XXI century: Museology: Sat. scientific tr.]*. Moscow, Research Institute of Culture Publ., 1989, pp. 35-50. (In Russ.).
2. Veselov F.N. Rol' doekspertnogo dokumental'nogo issledovaniya pamyatnika v muzeynoy atributsii yuvelirnykh proizvedeniy kontsa XIX – nachala XX veka [The role of pre-expert documentary research of the monument in the museum attribution of jewelry works of the late XIX – early XX centuries]. *Voprosy muzeologii [Museology issues]*, 2013, no. 1 (7), pp. 132-139. (In Russ.).
3. Kalugina T.P. *Khudozhestvennyy muzey kak fenomen kul'tury [Art Museum as a cultural phenomenon]*. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2001. 224 p. (In Russ.).
4. Kondratenko M.E. K probleme atributsii muzeynogo predmeta v khode restavratsionnykh rabot (na primere atributsii komoda iz sobraniya mebeli GMZ «Peterhof») [To the problem of the attribution of a museum object during the restoration works (on the example of the attribution of a chest of drawers from the collection of the furniture of the Peterhof Museum)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of St. Petersburg University. Series 6. Philosophy. Culturology. Political science. Right. International relationships]*, 2012, no. 3, pp. 15-20. (In Russ.).
5. Kuzmina E.S. *Kratkoe opisaniye muzeynogo predmeta: informatsionno-lingvisticheskoe obespecheniye [Brief description of the museum subject: information and linguistic support]*. (In Russ.). Available at: <http://www.museum.ru/future/part03/030202.htm> (accessed 05.04.2019).
6. Mishchrovskaya O.S. Semioticheskiy analiz znakovoy spetsifiki muzeynogo predmeta [Semiotic analysis of the sign specificity of the museum subject]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina [Bulletin of the Pushkin Leningrad State University]*, 2011, no. 3, vol. 2, pp. 205-211. (In Russ.).
7. *Muзейnoye delo Rossii [Museum business of Russia]*. Moscow, VK Publ., 2010, pp. 125-126. (In Russ.).
8. Nikishin N.A. Muзейnye sredstva, znaki i simvoly [Museum tools, signs and symbols]. *Muзейnaya ekspozitsiya. Teoriya i praktika. Iskusstvo ekspozitsii. Noveye stsennarii i kontseptsii. Na puti k muzeju XXI veka: sb. nauchn. tr. [Art Exposure. New scenarios and concepts. On the way to the museum of the XXI century: Sat. scientific tr.]*. Moscow, Research Institute of Culture Publ., 1997, pp. 43-44. (In Russ.).
9. Pirs Ch.S. Ucheniye o znakakh [The doctrine of signs]. *Izbrannyye filosofskie proizvedeniya [Selected Philosophical Works]*. Moscow, Logos Publ., 2000, pp. 176-233. (In Russ.).
10. Slovar' aktual'nykh muзейnykh terminov [Dictionary of current museum terms]. *Muзей [The museum]*, 2009, no. 5, p. 53. (In Russ.).
11. Suvorov N.N. Aura veshchi v utverzhdanii kul'turnogo prostranstva [Aura things in the statement of cultural space]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury [Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture]*, 2018, no. 3 (36), pp. 62-67. (In Russ.).
12. *Uayt L.A. Ponyatiye kul'tury [The concept of culture]*. (In Russ.). Available at: https://lib.uni-dubna.ru/search/files/phil_ant_cult1/~phil_ant_cult1.htm#11 (accessed 12.04.2019).
13. Shleyermakher F. *Germevenitika [Hermeneutics]*. St. Petersburg, European House Publ., 2004. 242 p. (In Russ.).
14. *Shortsy. Katalog etnograficheskikh kollektсий muзеев России. Odezhda i ukrasheniya [Shor. Catalog of the ethnographic collections of the museums of Russia. Clothing and jewelry. Ed. T.I. Kimeeva]*. Кемерово, Кузбассвузиздат Publ., 1999, vol. 4, 168 p. (In Russ.).